

4. Кирюхин, А. Б. Анализ современного состояния преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых в семье / А. Б. Кирюхин, П. В. Шмарион // Вестн. Воронеж. инст. МВД России. – 2020. – № 1. – С. 221–225.
5. Блэкборн, Р. Психология криминального поведения / Р. Блэкборн. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 496 с.
6. Вакуленко, Н. А. Характеристика преступника, совершающего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних / Н. А. Вакуленко, А. А. Брюхнов // Юристы-Правоведь. – 2018. – № 3 (86). – С. 52–58.
7. Смирнов, А. М. Виктимологическая характеристика посягательств несовершеннолетних на половую неприкосновенность и половую свободу личности / А. М. Смирнов // Lex Russica. – 2016. – № 9 (118). – С. 178–187.
8. Воронин, Ю. А. Виктимная безопасность: терминологическая интерпретация / Ю. А. Воронин, А. В. Миронов // Кримин. журнал. – 2014. – № 1 (27). – С. 43–48.
9. Никульченкова, Е. В. Квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: теоретические и практические аспекты / Е. В. Никульченкова // Уч. запис. Крым. федер. ун-та. – 2019. – № 2. – С. 185–191.
10. Паршин, Н. М. Предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. М. Паршин ; Саратов. гос. юридич. академия. – Саратов, 2018. – 31 с.
11. Шляпкинова, О. В. Специально-криминологическое предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних / О. В. Шляпкинова, Н. М. Паршин // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2019. – № 3 (83). – С. 111–117.
12. Kindesmisshandlung. Erkennen und Helfen / A. Bernecker-Wolff A. [et al.]. – Berlin : Kinderschutz-Zentrum, 2000. – 156 S.
13. Багутский, Н. В. К вопросу о виктимологической характеристики жертв семейно-бытового насилия / Н. В. Багутский, Ю. В. Дадаев // Межд. науч.-исслед. журнал. – 2020. – № 8 (98). – С. 124–128.
14. Schneider, H. J. Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie: Überblick und Diskussion. – Münster : Lit, 2001. – 468 S.
15. Брусенцева, В. А. Проблемы предупреждения насилия в отношении несовершеннолетних / Брусенцева В.А. // Юридик. Наука. – 2017. – № 6. – С. 47–50.
16. Дубницкая, А. В. Проблема профилактики виктимного и преступного поведения несовершеннолетних, ставших жертвами сексуального насилия / А. В. Дубницкая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 7. – С. 95–100.

УДК 343.3/7

О. Г. Шляктова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИНФОРМАЦИОННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Использование информационно-коммуникационных технологий для совершения преступлений повышает их общественную опасность в связи с большим объемом и оперативностью негативной информации, доступной пользователям, простотой исполнения преступлений и анонимностью преступников.

Стремительный анагенез информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) явился причиной обмена информацией с использованием сети Интернет

и обусловило появление понятия «информационно-коммуникативная среда». На международно-правовом уровне этот термин определяется как «информационные системы, гарантирующие оперативное взаимодействие людей, технических и программных средств, находящихся на значительном удалении друг от друга» [1].

Для целей уголовного права Республики Беларусь информационно-коммуникативная среда представляет собой совокупность информационных, коммуникационных, технических и организационных средств и правовых норм, которые используются для обеспечения связи между участниками уголовного процесса, передачи информации и доказательств, а также для обеспечения безопасности и контроля за соблюдением закона.

В контексте совершения преступлений информационно-коммуникативная среда может быть использована в качестве средства или способа совершения преступления. Например, злоумышленники могут использовать социальные сети, электронную почту и другие средства связи для планирования и совершения преступлений (обмана, незаконного доступа к информации и т.д.).

Информационно-коммуникативная среда сама по себе не является прямым элементом состава преступления. Она скорее является контекстом или сферой, в которой преступление может быть совершено или с которой оно связано. Однако она может играть важную роль в различных аспектах преступления.

Совершение некоторых преступлений с использованием информационно-коммуникативной среды имеют элементы или признаки, которые прямо на неё не указывают. В таких случаях для эффективного расследования таких преступлений необходимо учитывать особенности информационной среды и возможность ее использования преступниками.

Быстрое развитие Интернета способствует большому количеству видов преступлений в глобальной сети. Это дало толчок для возникновения видов правонарушений, у которых в настоящее время нет конкретной трактовки. Например, к таким правонарушениям можно отнести киберэкстремизм – одна из форм проявления терроризма в киберпространстве. Онлайн-среда характеризуется своей доступностью и анонимностью. Имея современное оборудование, практически у каждого есть доступ в сеть Интернет в любое время суток и с любого местонахождения. Добавив сюда практически неограниченную свободу, получаем условия, благоприятствующие формированию экстремистских Интернет-сообществ и широкому распространению их влияния.

Люди, не способные адаптироваться к реалиям жизни, составляют социальную базу экстремистских группировок. Наиболее уязвима для такого влияния молодежь [2]. Отметим, что именно молодежь составляет большинство пользователей сети Интернет.

Понятие «киберэкстремизм» включает в себя использование информационных и коммуникационных технологий для распространения экстремистской идеологии, преимущественно политической направленности. Законодательного определения этого термина нет, однако, подробная дефиниция содержится в Законе Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму». Согласно ст. 1 данного Закона, под экстремизмом подразумевается «деятельность по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность Республики Беларусь».

Специальной нормы, регулирующей борьбу с киберэкстремизмом нет. Поэтому логично предположить, что нормы, регламентирующие экстремизм, распространяются и на киберэкстремизм.

Основными направлениями киберэкстремизма являются: распространение экстремистских материалов через социальные сети, мессенджеры, форумы и другие онлайн-платформы; создание и распространение фейковых новостей, дезинформации и пропаганды разжигания расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни и т.д.; организация и проведение кибератак на сайты, социальные сети и другие системы; использование криптовалют для финансирования экстремистских групп и организаций.

Отметим, что предупреждение, профилактика, выявление и пресечение экстремистской деятельности в информационном пространстве Республики Беларусь осуществляют органы внутренних дел. Проводится активная идеологическая, информационная, нормотворческая и практическая работа по снижению деструктивного воздействия экстремистских Интернет-ресурсов на сознание граждан: признанные экстремистскими Telegram-каналы и чаты, блокируются, группы граждан, объединенных посредством экстремистских Интернет-ресурсов, привлекаются к уголовной ответственности.

Для эффективной борьбы с киберэкстремизмом необходимо постоянно проводить комплексную оценку существующего законодательства и совершенствовать правовую базу регулирования национального сегмента сети Интернет, учитывая специфику ситуации в Республике Беларусь и международный опыт в этой области. В связи этим предлагаем в УК внести изменения в редакцию некоторых статей, дополнив их словами следующего содержания:

– ч. 1 ст. 130 «1. Умышленные действия, в том числе информация, размещенная в глобальной компьютерной сети Интернет, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности»;

– ч. 1 ст. 293 «1. Организация массовых беспорядков, в том числе с публичными призывами к такой деятельности, размещенными в глобальной компьютерной сети Интернет, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, поджогами, уничтожением имущества или вооруженным сопротивлением представителям власти»;

– ч. 1 ст. 339: «1. Умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества либо отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом (хулиганство), в том числе с публичными призывами к таким действиям, размещенными в глобальной компьютерной сети Интернет»;

– ч. 1 ст. 342: «1. Организация групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок и сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти или повлекших нарушение работы транспорта, предприятий, учреждений или организаций, в том числе с публичными призывами к таким действиям, размещенными в глобальной компьютерной сети Интернет, либо активное участие в таких действиях при отсутствии признаков более тяжкого преступления»;

– ч. 2 ст. 342: «2. Обучение или иная подготовка лиц для участия в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, а равно финансирование или иное материальное обеспечение такой деятельности, в том числе осуществляемые с использованием информационно-коммуникационных технологий либо глобальной компьютерной сети Интернет, при отсутствии признаков более тяжкого преступления»;

Таким образом, информационно-коммуникативная среда может иметь важное значение при рассмотрении преступлений, особенно в контексте киберпреступности или использования цифровых технологий для совершения преступлений. Однако она обычно рассматривается вместе с другими элементами состава преступления, такими как деяние, умысел, вред и т.д.

Информационно-коммуникативная среда, включая сеть Интернет, стала основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии, что констатирует повышение общественной опасности.

Для более эффективной борьбы с киберэкстремизмом также необходимо расширять международное сотрудничество в данной области, включая обмен информацией, опытом и технологиями, в том числе проводить совместные операции по выявлению и

пресечению киберэкстремистской деятельности. Разработать и реализовать комплекс мероприятий, направленных на профилактику киберэкстремизма, включая образовательные программы, работы с молодежью и семьями, а также пропаганду толерантности и межконфессионального диалога.

Рекомендованные предложения позволят повысить эффективность правового регулирования и противодействия киберпреступлениям, совершенствовать правовую базу регулирования национального сегмента сети Интернет, а также усилить ответственность и профилактическое влияние.

Список использованной литературы

1. Концепция согласованной социальной политики государств-членов ЕврАзЭС, представленная постановлением Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 17 нояб. 2005 г., № 13 [Электронный ресурс] // Документы заседания Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=f20500064>. – Дата доступа: 06.05.2023.

2. Дубровский, Н. Е. Криминологическая сущность экстремизма и терроризма [Электронный ресурс] / Н. Е. Дубровский. – Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/95133>. – Дата доступа: 16.10.2023.